

М.Г.Крамаровский

УЛУС ДЖУЧИ (1207-1502). ЗАМЕТКИ О КУЛЬТУРЕ ДЕШТ-И КЫПЧАК В ЭПОХУ ЧИНГИСИДОВ

Джучидский улус складывался как часть могущественного централизованного государства Чингисхана и несколько десятилетий существовал в рамках его военно-административной системы. Центр империи с 1220 г находился на восточном берегу р.Орхон, где у ее притока Каракорум расположилась ставка Великого хана. В 1235 г здесь уже при Угедэе началось строительство города. В течение четверти века Каракорум (до 1260 г) являлся общемонгольской столицей. Ко времени переноса Хубилаем (1260-1294 гг) столицы в Пекин в дельте Волги на левом берегу Ахтубы была основана первая столица Золотой Орды – Сарай (Дворец). Ее строительство относится к нач.50 гг XIII в., и здесь в 1254 г, по пути из Каракорума в ставку Бату, побывал монах-минорит Гильом Рубрук (Путешествия ..., 1957, с.184-186). Строго говоря, государства, именуемого Золотой Ордой, никогда не существовало. Привычное для нас название заимствовано из русской летописной традиции XVI в. уже после падения Золотой Орды. Улус Джучи выделен из состава Великого монгольского государства по мере распада державы Чингисхана, но первоначальное “Сибирское держание” старшего сына было образовано по личному решению основателя империи. Это – первый наследный улус в семействе Чингисовичей.

Для Джучидов (наследников дома умершего в 1227 г Джучи) процесс политической автономизации ясно обозначился лишь в 40 гг XIII в. после завершения в 1242 г семилетнего европейского похода войск Бату-хана (1227-1257), в результате которого монгольская конница, вышедшая к берегам Адриатики, вернулась в Дешт-и Кыпчак. Новое государственное образование состояло из двух основных военно-политических единиц – правого и левого крыла, именуемых в восточных источниках “Кок-Ордой” и “Ак-Ордой” (Султанов Т.И., 1970, с.94-96; Федоров-Давыдов Г.А., 1973; Мингулов Н.Н., 1981, с.55-63, с.79-95; Ускенбай К., 2006, с.360-378). И хотя география различных улусов изменялась во времени, Восточный Дешт-и Кыпчак, т.е. основная территория современного Казахстана, оставался в составе Улуса Джучи. Вместе с тем, степные территории, составившие ядро государства после завершения Западного похода, в силу

ряда причин оказались на окраине культурных миров. Преодоление цивилизационной маргинальности Золотой Орды (Улуса Джучи) началось с укоренения в зоне степей городского образа жизни. Несмотря на постоянное преобладание кочевников, на местах старых степных зимовий уже в 1-й пол.XIV в. вырастают десятки городов. В них постепенно складываются новые культурные силы, среди которых заметное место занимает население ремесленных кварталов. Факты свидетельствуют о формировании в Золотой Орде уже в 1-й пол.XIV в. новой, отличной от раннеджучидской, культурной среды с весьма разнообразными интересами и интеллектуальными векторами, далеко выходящими за пределы избранной нами темы (о библиотеках в Сарае см.: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 1992, с.203).

Взаимодействие кочевнической и оседлой (по преимуществу, городской) цивилизаций в рамках единого государства позволяет обозначить три крупных периода в развитии культуры Золотой Орды.

Раннеджучидский (1-я пол.XIII в., условно 1207-1250 гг) период характеризуется выделением Улуса Джучи из числа территорий, принадлежащих Чингисхану. Значение раннеджучидского этапа для становления культуры будущей Золотой Орды трудно переоценить, поскольку строительство нового удела начиналось в рамках государства Чингисхана, получившего официальное название *Yeke Mongyol ulus* – “Великое монгольское государство” (1211-1264 гг). В этот период в степи идет активное перераспределение традиционных родоплеменных образований в пользу монгольской элиты, сопровождаемое переделом пастбищ, водопоев и маршрутов сезонных перекочевков. Бурные инновационные процессы в материальной культуре опираются главным образом на традиции Центральной Азии и Северного Китая. В эти десятилетия как никогда ощущается разрыв между степным и городским сегментами культуры (последний, преимущественно, за пределами степного ядра формирующегося государства). Естественно, что основное содержание культурной парадигмы определялось борьбой монголов за Восточный, а потом и Западный Дешт-и Кыпчак. Заметим, что наблюдения В.П.Костюкова,

акцентирующие драматические последствия монголо-кыпчакского противостояния в сфере этнических процессов в масштабах всего Дешт-и Кыпчак, интересны, но не слишком убедительны (Костюков В.П., 2006, с.199-234), поскольку основной массив тюрко-язычных кочевников (куманов, половцев и кыпчаков, сохранявших, видимо, и в XIII в. этнические различия), устоял, несмотря на потери. Едва ли это могло быть иначе, поскольку в восточно-европейских степях накануне монгольского вторжения кочевало свыше полумиллиона “кыпчаков” (Плетнева С.А., 1990, с.115).

Среднедзучидский период (2-я пол.XIII – первые две трети XIV в.). Главное достижение этапа – стабилизация экономики и становление культуры новых степных городов, где еще при Берке оседает значительная часть нойонской элиты. В кон.50 – нач.60 гг XIII в. Дзучиды вводят собственную монетную систему, и начинается один из важнейших этапов государственного и культурного строительства, сопровождавшегося возобновлением северной ветви “Великого Шелкового пути”. Наиболее яркие события периода связаны с восстановлением старых, разрушенных в период вторжения городов и началом строительства новых. Позже, около сер. XIV в., основывается новый город Гюлистан- Сарай (дискуссию о Гюлистане реанимировал И.В.Евстратов (1997, с.88-118). Степная и городская ветви в культуре сближаются, и первая испытывает известное давление со стороны исламизированных городских общин ханского домена и региональных центров Приазовья, Северного Кавказа и Крыма. В сущности, именно в этот период в материальной культуре восточноевропейских степей становится ощутим, хотя и опосредованно, городской вектор; сама же ремесленная культура получает узнаваемый золотоордынский облик.

Позднедзучидский период (50-60 гг XIV – XV в.) характеризуется расцветом городской жизни на первом этапе (до 1395 г) при заметном лидерстве исламских общин. Последнее не вызвало особого перенапряжения в межконфессиональных отношениях. В Степи центрально-азиатские элементы культуры постепенно отмирают и вытесняются исламскими инновациями, вливающимися в золотоордынское общество со стороны Хорезма, Прикаспия, Египта и Малой Азии (через Крым). Дзучидская элита стремительно теряет связи с Трехречьем, а вместе со “старой” родиной и монгольский язык. Уже при Тохтамыше (1376-1395 гг) тюркский

становится официальным языком Золотой Орды. Культурная доминанта в этот период окончательно определяется городским ремеслом, сформировавшим собственные производственные центры.

Потрясения 1395 г, вызванные воинскими победами Тимура (1370-1405), приводят к медленному угасанию большой международной торговли и городской жизни в центральных районах страны (второй этап позднеордынского периода). После 1395 г начинается почти вековой период распада золотоордынской государственности и, в целом, культурной стагнации. Однако в это время преимущественно в Восточном Крыму все еще работали и весьма интересно местные ремесленные центры. В 1502 г крымский хан Менгли Гирей наносит решающий удар по Большой Орде. Этим заканчивается военно-политическая история Золотой Орды, но не история династии и, конечно, не золотоордынская культурная традиция. Сложившиеся традиции продолжают жить в постордынский период, главным образом, они очевидны в центрах сосредоточения власти новых династий-чингисидов в разных государствах-преемниках, будь то степи Казахстана, лесостепи Западной Сибири, Среднего Поволжья, Рязани, и уж тем более в Крыму. В XV-XVI вв. эта линия находит проявление и в культуре Москвы.

Изучение начального этапа в развитии ремесла и культуры Чингисидов затруднено недостатком достоверных источников. Это явление в значительной мере связано с тем, что “темные века” монгольской истории пришлось на время консолидации монгольских племен в XI-XII вв., в том числе и период первого монгольского государства *Хамаг монгол улуса* (около сер.XII в.)¹. Сведения письменных источников о контактах части монгольских племен с киданями Ляо (916-1125) и чжурчжэнями Цзинь (1115-1234) все еще мало подкреплены археологически, и мы почти ничего не знаем о материальной культуре монголов времени Хабул-хана и его политических наследников. Отсюда размытость представлений о генезисе и начальной фазе складывания материальной культуры времени монгольского единства. А поскольку всю 1-ю пол.XIII в. Улус Дзучи развивался в составе многоэтнической империи, скудность источниковедческой базы ранних дзучидов, отражая общее состояние вопроса, не несет ничего специфического. Лишь материалы торговки – произведений художественного серебра и золота, обладавших тем преимуществом, что наиболее точно отвечали уровню требований, предъ-

¹ *Хамаг монгол улус* просуществовал недолго и распался около 1160 года. Но все-таки в годы мирных отношений монголы взамен поставки чжурчжэням табунов скота получали зерновые и шелк (300 000 *кусков* тонкого и столько же грубого шелка) (Кычанов Е.И., 2004, с.285). Сам факт нормальных обменов с чжурчжэнями, как и в свое время с киданями, дает основание предположить знакомство монголов с культурными достижениями соседей в самых разных проявлениях повседневности. Уровень и характер контактов с ближайшими соседями остается невыясненным.

являемых их владельцами – монгольскими элитами – к собственной аутентичности, дают возможность хоть как-то восполнить лакуну. В реальной жизни стремление к *имперской самоидентификации* находило отражение в выборе каганом, его кешиктенами, улусными ханами и их тарханами, нойонами всех рангов и приравненных к ним представителями местных аристократий соответствующих регалий. Помимо узкого перечня символов ханской власти (Крамаровский М.Г., 2001, с.73-79), костюма, унифицированной прически, головных уборов, отдельных типов мужских и женских украшений, в этот список входили детали конского убора, воинского пояса и парадная утварь. Именно три последние категории предметов с наибольшей выразительностью способны дать представление о характере всаднической культуры раннеджучидской элиты.

В этом контексте для нас важны находки из золота и серебра, связанные с первыми поколениями Чингисидов как из районов Центральной Азии, так и Южной Сибири или европейской зоны степей. Совсем недавно, в полевом сезоне 2005 г, на юго-востоке Монголии в местности Таван Толгой (аймак Сухебаатара) экспедицией Монгольского национального университета (рук. проф. Д.Наваан) обнаружено неграбленное женское захоронение с конем и золотыми обкладками седла с изображением четырехпалых (?) драконов (Navaan D., 2005, pp.18-27; Tombs of Chingisids ..., 2006, pp.55-60, fig.6, 7). Погребение принадлежало незамужней молодой женщине (до 20 лет), о высоком статусе которой свидетельствуют богатые золотые и серебряные украшения – серьги, филигранное украшение прически, пектораль и ваджра, но, главное, золотые обкладки седла с изображением драконов. Украшение из филигрании аналогично находке из женского погребения в трехкамерном мавзолее сер.ХІІ в., открытом в 1990 г китайскими археологами в провинции Хэбэй (Wen-wu, 1992, pp.37-51; Rawson J., 1996, p.36; Крамаровский М.Г., 2001, с.171-172, рис.88). Несомненно, что могила № 5 из Таван Толгой относится к раннемонгольской эпохе, вероятно, первым десятилетиям ХІІІ века. Примечательно, что молодую даму без *бокки* (т.е. незамужнюю) сопровождало *парадное золотое седло с изображением драконов*. Это третье из известных мне женских седел раннемонгольской эпохи после находок из Хайлин Геле и близ Мелитополя (Крамаровский М.Г., 2001, с.21, 22). Теперь мы уже знаем серию золотых и серебряных седел этой эпохи, к которой следует присоединить и золотые обкладки седла из коллекции Нассера Д.Халили (кон.ХІІ – нач.ХІІІ в.) (Alexander D., 1992, pp.42-46; Крамаровский М.Г., 2001, с.21). Три седла происходят из женских захоронений. Более яркого свидетельства гендерного равноправия для раннемонгольской среды трудно себе предста-

вить. Тема дракона на обкладках седла из Таван Толгой характерна для *первого ряда* нойонских регалий, включая воинские пояса и поясные чаши.

Напомню, что эмблематика великого хана и его “гвардии” с использованием изображения дракона сформировалась в узком промежутке времени между 1204/06 гг и 1217 годом. В 1221 г ее наблюдал Чжао Хун, прибывший в Яньзин, недавнюю столицу чжурчженей. Возможно, что этот промежуток времени может быть несколько сокращен. К настоящему времени находки воинских (“гвардейских”) поясов с изображениями драконов известны только в археологических материалах из европейской зоны степей, куда они попали вместе с первым поколением джучидских всадников уже в период 20-40 гг ХІІІ века. География находок очерчивается районами Поднепровья, Среднего Подонья и Степного Предкавказья, Среднего Поволжья (Крамаровский М.Г., 2001, с.35-45, рис.14). В Нижнем Поволжье выделим поясной набор из разрушенного погребения на городище Красный Яр (Крамаровский М.Г., 2001, с.35-45, рис.18). Сохранился фрагмент ремня. Гарнитура – серебро с позолотой – состоит из пряжки, наконечника, скользящей обоймицы, двух сабельных обойм с петлями для подвешивания ножен и 25 лунниц (Сокровища ..., 2000, с.69, кат. № 19). При полной сохранности ремня длиной 125-150 см расчетное число в 65-70 единиц поясной гарнитуры кажется оптимальным. Композиция декора лицевой пластины наконечника представлена двумя обращенными друг к другу драконами с рыбьими хвостами. Тыльная пластина наконечника покрыта чешуйчатым узором. Сабельные обоймы полые, прямоугольной формы с крупными петлями. Лицевые пластины обойм выполнены в технике ажурного литья. Большую часть пространства занимает изображение трехпалого дракона. Нижнее поле занято фигурой птицы в полете, крупный клюв и мощное оперение которой говорят, возможно, о соколе. Тип сабельной обоймы с выделенной петлей и рельефным изображением трехпалого дракона на лицевой стороне пластины известен по сунскому нефриту. К этой группе воинских поясов тесно примыкает несколько поясных наборов с “охотничьей” тематикой: серебряный поясной набор из могильника Таш-Башат в Таласской долине Киргизии, золотой поясной набор из урочища Гашун-Уста на Северном Кавказе (Ставропольский край), три золотые пластины из частной коллекции Нассера Д.Халили в Лондоне и три бронзовые пластины с изображениями ланей из музея П.В.Алабина в Самаре (Крамаровский М.Г. 2001, с.45-49, рис.20, 21; Археологические памятники ..., 2005, с.24-29). Напомню, что в урочище Гашун-Уста вместе с поясом найден ковш с ручкой в форме протомы дракона. Сосуды

этого типа обнаружены в Сибири, на Волге, близ Воронежа, на Днепре (Сокровища ..., 2000, с.56-58, 163, рис.13; кат.12, 13, 14, 21). Близкая к этой группе сосудов двуручная чаша для вина найдена при раскопках Царевского городища (Сокровища ..., 2000, с.59; кат.15). Вся группа сосудов датируется в пределах XIII – рубежа XIV в. (Крамаровский М.Г., 2001, с.61-72) и отличается от юаньских сосудов этого типа (Сокровища ..., 2000, с.159, рис.11).

Седла и пояса с драконовидной геральдикой появляются в *монгольской среде* как бы в одночасье. По-видимому, они были вызваны к жизни резко изменившимся уровнем государственного строительства после реформ 1206 г, когда при выделении и бурном количественном росте новых ветвей родовой знати потребовались новые объединительные символы. Итак, обе группы поясов принадлежат старшему поколению командного корпуса Джучидов, пришедшего в европейскую зону степей около сер.XIII века. Типы и стилистика этих поясов сложились в Центральной Азии еще до образования Улуса Джучи. В них и можно видеть ту часть “монгольского наследства”, которая попала в Дешт-и Кыпчак с первым поколением завоевателей и здесь, на новой почве, дала импульс к росту культурного феномена, впоследствии получившего название культуры Золотой Орды. Этот комплекс изделий центральноазиатского художественного ремесла впервые дает возможность обратиться к памятникам до 60 гг XIII в., не обнаруживающих себя до настоящего времени в метрополии, разуме-

ется, кроме комплекса в Таван Толгое на юго-востоке современной Монголии. Необходимо отметить, что в этой важнейшей для культуры ранних Джучидов группе находок еще нет инновационных черт, связанных с западными заимствованиями периода разгрома государства хорезмшаха. Эти черты становятся заметны в формах и декоре группы парадной утвари, насчитывающей около десятка сосудов, из которых пять (среди них четыре целых) удивительно схожи между собой по форме. По этому же признаку группа сосудов на высокой ножке тесно связана с чашей малоазиатского происхождения из частной коллекции в Лондоне, датированной приблизительно сер.XIII века. Вся группа находок, кроме лондонской чаши с именем Улуг Хумаюна, чье место обнаружения не известно, происходит из Приуралья, тобольского Прииртышья (Крамаровский М.Г., 2001, с.93-108) и сургутского Приобья (Яковлев Я.А., 2006, с.144-147). Сосуды принадлежат одной или нескольким родственным мастерским, работавших в узком промежутке времени на рубеже XIII-XIV веков. География находок свидетельствует, что восточнее Ишима существовал некий локальный центр, обслуживающий северо-восточные районы Золотой Орды (Крамаровский М.Г., 2001, с.106, 107). Продолжают оставаться актуальными вопросы о месте производства этих сосудов, их оригинальности, генезисе стиля, проблемах хронологии некоторых из них.

Приведем сведения об основных памятниках группы в форме таблицы:

№ п/п	Сведения о месте находки или ее хранения	Материал и размеры	Сохранность	Публикация
1	Вероятно, Приуралье. Частная коллекция в Перми до 1909 г	Серебро, размеры не известны	Без утрат	Смирнов Я.И., 1909, № 221
2	В составе клада на севере Свердловской обл., пос. Понил, Ивдельский р-н	Серебро, диаметр – 27,0 см; высота – 12,5 см	Утрачен ложок	Генинг В.Ф., Крамаровский М.Г., 1978; Крамаровский М.Г., 2001, рис.45, кат.54
3	Из Сургутского Приобья, могильник Сайгатинский 3, погр.31	Серебро, диаметр – 12 см; высота – 6 см	Повреждено тулово чаши	Крамаровский М.Г., 2001, рис.47, кат.55
4	Из Сургутского Приобья, Святилище Сайгатинское 1	Серебро, диаметр – 14 см	Утрачена ножка	Крамаровский М.Г., 2001, рис.48
5	Из Сургутского Приобья. Случайная находка на городище Каревское	Серебро, диаметр – 19,5; высота – 12,1 см	Без утрат	Яковлев Я.А., 2006, с.144-147

Все вещи объединяют признаки морфологии, техники исполнения и декора. С точки зрения формы (*признаки морфологии*) обращает внимание

сочетание глубокой ложчатой чаши (1, 2, 4, 5) с подчеркнуто выделенным венчиком и поддона в форме высокой конусовидной ножки с утолщением

у плавно отогнутого основания. Несколько предметов (чаши 2 и 4) объединяет редкий тип лотосовидного цветка с двумя отогнутыми книзу лепестками. Этот же признак – в декоре серебряного кубка из тобольского Прииртышья (Крамаровский М.Г., 2001, рис.52, кат.56). Примечательно, что и гибкий стебель с характерными узкими трилистниками в бордюрах этого кубка в высшей степени близок стеблю, украшающему венчик сосуда из сургутского Приобья (чаша 5). Между тем, рисунок гибкого стебля с широкими сочными пальметтами в бордюре венчика ивдельской находки из Приуралья (чаша 2) тождественен гибкому стеблю в декоре венчика серебряной кружки, найденной на святилище Сайгатинское 1 в сургутском Приобье (Крамаровский М.Г., 2001, рис.51). Отметим еще одну деталь, сближающую кубок из тобольского Прииртышья с находками из сургутского Приобья (чаша 5 и кружка из святилища Сайгатинское 1), – характерную прорисовку узкомордого животного (медведь?) с обратным поворотом головы. В некоторых случаях совпадения в рисунке позволяют опознать “почерк” одного мастера. Остается добавить, что мотив подтреугольных фигур с двойной линией обводки и веерообразными скоплениями ретушных штрихов в декоре ножки чаши с Караевского городища (чаша 5) имеет довольно близкую аналогию в родственном геометрическом узоре на фрагменте серебряной чаши (часть донца?) из саратовского Поволжья (Крамаровский М.Г., 2001, рис.54). В то же время узор в виде веерообразного скопления ретушных штрихов как самостоятельный мотив (чаши 1, 3, 4, 5) повторяется не только в декоре фрагмента сосуда из саратовского Поволжья, но и вставном медальоне серебряного блюда из святилища Сайгатинское 1 (Крамаровский М.Г., 2001, рис.44). Таким образом, в круг вещей *одной или нескольких родственных мастерских*, выделенный на основе системы признаков сходства, входят *девять* серебряных сосудов из Западной Сибири и Приуралья. Пять из них отличает совпадение по форме. Десятая чаша в форме поясного ковша, но с изображением лотосовидного цветка, характерного для чаш 2, 4 и кубка из тобольского Прииртышья, найдена на Северном Кавказе (Крамаровский М.Г., 2001, № 136). Таким образом, иртышская группа художественного серебра принадлежит одной или нескольким тесно связанным мастерским, работавшим в относительно короткий промежуток времени 1-й трети XIII – нач.XIV века. Нет сомнения, что новый ремесленный центр *формируется в одно время с юртом (уделом) Джучи в местах перекочевок ставки улусного хана и его жен* на Иртыше, но не в верховьях реки, где располагался центр Угдеевичей. География ремесленного центра косвенно подтверждается ареалом находок, ограниченным на

востоке бассейном сургутского Приобья, а на западе – Средним Уралом и Пермским краем. Степень оригинальности и, в конечном счете, узнаваемости рассмотренной группы сосудов определяется слиянием художественных традиций народов Северного Китая и Запада, где выделяются признаки ремесла исламского Среднего и Ближнего Востока и, отраженно, Византии или Малой Азии.

На основе оригинальных археологических находок из погребальных комплексов ранних Джучидов, из слоев отдельных поселений и селищ мы, таким образом, получили возможность впервые ознакомиться с некоторыми редкими материалами Великого Монгольского государства. Многие из этих памятников были перенесены из районов Иртыша и Западной Сибири в бассейны Посурья, Волго-Камья и степную зону Подонья всадниками сибирских корпусов Бату, основного костяка европейской кампании 1237-1242 годов. Но, все-таки, одна из групп материала – “иртышская” – дает некоторое представление *о новом векторе развития культуры*, сформировавшемся в период ранних кампаний, направленных на западную часть Дешт-и Кыпчака.

Утрата норм тюрко-монгольской всаднической культуры дает о себе знать в материалах тюркетики уже в XIV в. в период активной исламизации Золотой Орды. В Симферопольском кладе, одном из наиболее репрезентативных комплексов 1-й пол. XIV в., принадлежавшем ордынскому правителю Крыма (Крамаровский М.Г., 2001, с.114-120), из трех поясных наборов только один – золотоордынский. В деталях этого парадного стрелкового пояса полностью отсутствуют черты раннеджучидской традиции, сформированной в период единства Чингисидской империи (Сокровища ..., 2000, с.83; кат.527-564). Этот поясной набор входит в одну из обширных групп изделий, выполненных в среднеджучидский период, вероятно, в Крыму. Но стилистика его исполнения мало отличима от приемов, использованных мастером золотого поясного набора из казахского Прииртышья (Сокровища ..., 2000, с.85, кат.143-155). Кроме Крыма, подобные вещи могли быть изготовлены в городских мастерских Поволжья, включая Булгары (Крамаровский М.Г., 2001, с.130-140), откуда они получили распространение по территории всего пояса европейской зоны степей. И, все-таки, традиции великоханского периода не исчезают бесследно. Они могут быть прослежены на примере других вещей Симферопольского клада – характерных наверхий головных уборов. Для нашей темы любопытна одна из интереснейших серий украшений, принадлежащих женской шапочке (Сокровища ..., 2000, с.82; кат.307-330), где в пережитках (речь идет о трактовке миниатюрных многолепестковых цветов с жемчужиной в

центре на высоком стержне из золотой проволоки) все еще обнаруживается традиция ремесла, более характерная для Центральной Азии и восходящая к китайской династии Суй² (581-617 гг). В украшениях бляхи-навершия и двадцати фигурных накладок головного убора из золотоордынскогоклада, кроме жемчуга, использованы аметисты, шпинели, изумруды, хризопраз, яшма, сапфир и бирюза, а в одном случае – и горный хрусталь (Сокровища ..., 2000, с.82, № 307-332), свидетельствующие о богатстве выбора еще в сер.XIV в. ювелирных камней на базарах западной ветви Шелкового пути. По-видимому, в сохранении традиции оформления девичьей (?) шапочки сказанся феномен консерватизма женского костюма. Необходимо заметить, что все предметы украшения головных уборов и некоторые пояса Симферопольского клада выполнены в Восточном Крыму, скорее всего, в одной из ювелирных мастерских Солхата, обслуживающей правителя города и области Крым.

В Золотой Орде не сложилась и не могла сложиться в силу огромности территории единая градостроительная система. Здесь в градостроительстве выделяются несколько локальных вариантов. Степное Поволжье со столичным Сараем, Гюлистан-Сараем, Укеком и Бельджаменом – лишь один из них. Поднепровье, Крым, Приазовье и Северный Кавказ представлены селищами и городами, во многих чертах отличными от городов и поселений ханского домена.

В отличие от других городов Поволжья и регионов Золотой Орды Сарай не был полностью уничтожен войсками Тимура в 1395 году. Дата его окончательного запустения не известна, но в 1438 г он еще заметен как центр международной торговли (Заходер Б.Н., 1955, с.166, 167). Золотоордынская столица – крупный ремесленный центр, где известны кварталы ремесленников-металлистов, гончаров и исследованы мастерские ювелиров и косторезов.

Для золотоордынских степных городов, где как на Царевском городище выделяются лишь самые общие черты топографии (Fedorov-Davydov G.A., 1984, pp.21-23), видимо, еще не время говорить об индивидуализированных чертах планировочных структур. Тем не менее, некоторые важные детали все-таки выяснены. Площадь города только в границах рвов и вала, возникшего в 1360 гг для защиты центральных кварталов в годы феодальных усобиц, составляет около 2 км², но общая площадь Гюлистан-Сарая значительно больше (Егоров В.Л., 1985, с.113). На плане А.В.Терещенко (1840 гг) только внутри вала 1360 гг насчитывается до 1550 отдельных строений. Вне вала прослеживаются отдельные

усадеб, становящиеся, по наблюдению Г.А.Федорова-Давыдова, все крупнее по мере удаления от центра города к востоку и югу. Большие усадьбы площадью до 26 000 м² прослежены на дальних подступах к городу с востока; к западу от пригорода располагался поселок, состоящий из комплекса семи усадеб, соединенных общими стенами. Представляется, что, подобно застройке большого радиуса Селитренного городища, Царевское городище можно рассматривать как агломерацию, где чересполосно городские строения, крупные усадьбы или их скопления чередовались с аграрными зонами и выпасами. К западу от города располагалось большое озеро, на берегах которого в сер.XIV в. существовала жилая застройка, а в конце века вырос могильник. В центре Гюлистана была большая площадь, окруженная с юга и с востока зданиями, выделявшимися своей величиной. От центра к окраинам вели улицы, снабженные арыками, вдоль которых в некоторых случаях прослежены пешеходные дорожки. В восточной части города по микрорельефу прослежена еще одна подквадратная площадь; в этом секторе городища, видимо, располагались и четыре искусственных водоема. Царевское городище расположено в пойме Ахтубы, скорее всего, на самом берегу реки. Археологическими исследованиями установлено не только существование городского водопровода, но и сложных гидротехнических сооружений, регулирующих уровень воды в водоемах. Первоначальное ядро города составляли несколько крупных аристократических усадеб (Федоров-Давыдов Г.А., 1973, с.85-87; Егоров В.Л., 1985, с.114). В отличие от Сарая и Сарайчика на р.Урал, Гюлистан-Сарай был разрушен Тимуром.

Помимо Селитренного и Царевского городищ в Поволжье, кроме болгарского района, открыто более тридцати городищ и поселений, представляющих собой средние и малые городки, но среди них есть и такие известные как Мохши, Укек, Бельджамен, Хаджитархан (Егоров В.Л., 1985, с.106-120). Г.А.Федоров-Давыдов справедливо предостерегал против автоматизма в расширении списка золотоордынских городов (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.41), но в действительности количество только заметных городищ поразительно. В реальной жизни подобные центры были вызваны требованиями организации структуры государства и торговых обменов (см. выше). Даже беглое по необходимости перечисление городищ дает панораму резкого подъема городского образа жизни в XIV веке. Вот некоторые из городов и крупных поселений только в пределах правого крыла: в Пруто-Днепровье – Аккерман, Килия, городище Костешты, Старый

² Ср. украшение женского головного убора из золота и серебра из могилы Li Jingxun в пров. Шанси, КНР (Wei H., Deydier C., 2001, p.112, № 274).

Орхей (Шехр ал-Джадид/Янги-Шехр); в Предкавказье – Маджар, Малые Маджары, Верхние Маджары; в Дагестане – Дербент; в Северной Осетии – Верхний Джулат; в Карачаево-Черкессии – Нижне-Архызское городище, поселения Терско-Сулакского междуречья; в Кабардино-Балкарии – городище Терское и Нижний Джулат. В Приазовье – Азовское городище (г.Азак), ряд поселений. На Тамани – Матрега. Из новых золотоордынских городов в Крыму известен лишь Солхат (Крым).

В этих заметках трудно говорить об общем и особенном в жизни золотоордынских городов. Приведу лишь два примера, свидетельствующих о коммуникативных особенностях городской жизни в разных точках огромного государства в XIV веке. На четырех разных городищах – Царевском (г.Гюлистан-Сарай), Сарепты (вероятно, из средневекового Укека), Водянском и городище средневекового Сарайчика найдены тарные сосуды – *хумы* высотой до 1,07 м и диаметром венчика 0,6 м со штемпелем одного мастера или хозяина мастерской. Арабская трехстрочная надпись печати сообщает нам его имя – “Ананд (?) сын Саркиса” (Крамаровский М.Г., 2005б, с.119, № 164, 575, 576). Нет сомнения, что продукция армянского мастера, работавшего в Поволжье, пользовалась широкой известностью и в период расцвета городской жизни достигла берегов р.Урал (тюрк. – Жайык) (Тасмагамбетов И., Самашев З., 2001, с.240; Трепавлов В.В., 2002, с.583-586). Другой пример – одно из высших проявлений гончарного искусства – винный кубок из полуфаянса (*кашина*) с полихромной росписью, найденный в золотоордынском Азаке. Кубок, скорее всего, изготовлен в одной из мастерских столичного Сарая

(Крамаровский М.Г., 2005а, с.229-243, кат.604). Сосуд с изображением исламского рая, видимо, предназначался для дворца или пирушественного стола богатой усадьбы. Он декорирован подглазурной росписью кобальтом и трехцветной надглазурной росписью красным, зеленым, черным по белому непрозрачному фону опаковой поливы с добавлением на отдельных участках накладного золота. Наиболее близкие параллели декору азакской находки дают фрагменты полихромной посуды, обнаруженные на городище Сарайчика (Тасмагамбетов И., Самашев З., 2001, с.39, 112, 137, 247). Арабская часть надписи на одном из фрагментов говорит о времени изготовления сосуда – 764 г.Х. = 1362/63 гг, а значит и о времени работы мастерской; персидская часть надписи содержит обрывок фразы со словами “я послал ...” (чтение А.А.Иванова).

Поступательное развитие Золотой Орды как мировой державы было остановлено фатальным наложением во времени четырех факторов: 1) системного внутреннего кризиса власти в Золотой Орде, начиная с 1360 гг; 2) затуханием мировой торговли на Великом шелковом пути в связи с прекращением династии Юань (1279-1368 гг); 3) глобальным экологическим кризисом в степной зоне Евразии, нанесшим непоправимый урон скотоводческому хозяйству Дешт-и Кыпчак в посл. трети XIV в.; 4) военно-политической катастрофой 1395 г, разрушившей степные города правого крыла Джучидов.

Тем не менее, только сейчас, когда накопился и стал более доступен для изучения значительный по объему вещевой материал, цивилизационные достижения Золотой Орды (Крамаровский М.Г., 2005б, с.15-171) становятся все более очевидными.

Литература и архивные материалы

- Археологические памятники на территории города Самары, 2005. Самара.
- Генинг В.Ф., Крамаровский М.Г., 1978. Ивдельская находка. Л.
- Евстратов И.В., 1997. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевских городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья)// Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Ч.2. Саратов.
- Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Заходер Б.Н., 1955. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком)// Краткие сообщения Института востоковедения. № 15.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 1992. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата.
- Костюков В.П., 2006. Была ли Золотая Орда “Кыпчакским ханством”?// Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.
- Крамаровский М., 2001. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.
- Крамаровский М.Г., 2005а. Алые пионы Эдема. О полихромии в керамике Золотой Орды XIII-XIV вв.// Античная древность и средние века. Вып.36. Екатеринбург.
- Крамаровский М.Г., 2005б. Золотая Орда как цивилизация// Золотая Орда. История и культура. СПб.

- Кычанов Е.И.**, 2004. Властители Азии. М.
- Мингулов Н.Н.**, 1981. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды// Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата.
- Плетнева С.А.**, 1990. Половцы. М.
- Путешествия** в восточные страны Платона Карпини и Рубрука, 1957. М.
- Смирнов Я.И.**, 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Сокровища** Золотой Орды. Каталог выставки, 2000. СПб.
- Султанов Т.И.**, 1970. К вопросу о терминах “Ак-Орда”, “Кок-Орда”, “Йуз-Орда”// Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.
- Тасмагамбетов И., Самашев З.**, 2001. Сарайчик. Алматы.
- Трепалов В.В.**, 2002. История Ногайской Орды. М.
- Ускенбай К.**, 2006. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда// Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Яковлев Я.А.**, 2006. Новая находка золотоордынской гонимости из Сургутского Приобья// РА. № 2.
- Alexander D.**, 1992. The Arts of War, Arms of the 7th to 19th Centuries// The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XXI. London.
- Fedorov-Davydov G.A.**, 1984. The Culture of the Golden Horde Cites. BAR International Series. Printed in Great Britain.
- Navaan D.**, 2005. Tavan tolgoi site, Ongon sum, Sukhbaatar aimag// Relics Excavation State and Meaning by the Jinghiz Khan Age. Korea and Eastern Asia (III). The 6th International Conference. Korea University. № 44.
- Rawson J.**, 1996. Changes in the Representation of Life and the Afterlife as Illustrated by the Contents of Tombs of the T'ang and Sung Periods// Arts of the Sung and Yüan. New York.
- Tombs of Chingisids Are Still Being Found...** An Interview with Senior Archaeologist, Professor Dorjpagma Navaan, 2006// The Silk Road. Vol.4. Number 1. Summer.
- Wei H., Deydier C.**, 2001. L'or de la Chine Ancienne. Paris.
- Wen-wu** (Cultural Relics), 1992. № 12.

Summary

M.G.Kramarovskii (Saint-Petersburg, Russia)

JUCHI ULUS (1207-1502). NOTES ON CULTURE OF DASHT-I QIPČAQ DURING CHINGIZID EPOCH

The paper is devoted to the problem of Dasht-i Qipčaq cultural development during the Mongolian epoch. The author suggests a three stage development model. The early Juchid period (1207 – 1250s) is actually the period of the Chingizid empire formation. Distinguishing of the early stage can hardly be overestimated for understanding cultural heritage of the first generations of the Juchids who promoted formation of the Golden Horde culture itself. In the middle Golden Horde period (the 2nd half of the 13th – the first two thirds of the 14th c.) in connection with an increasing Islamic influence at the turn of the 13th-14th centuries the time of neglecting the values of the Juchid state founders' generation began. During the late Golden Horde period (1340s-60s – the 15th c.), when the town vector in the Juchids culture appears to be subordinated to Islamic values solely, the Turkic pre-Islamic layer in spiritual culture is still alive. This can be seen on the example of the late belt garnitures with the dragon theme.

Статья поступила в редакцию в ноябре 2007 г